

Хроники чёрного кварца: коррекция реальности

Владимир Коток

Лаборатория Элиаса пахла пылью веков и горьким миндалём распавшегося эликсира. На столе, меж свитков с уравнениями, лежал портрет девушки с глазами цвета грозового неба — сестры, чьё имя он больше не произносил вслух. Хронометр, похожий на паука из чёрного стекла, тикал в такт его сердцу. Он прикоснулся к холодному механизму, и стрелки закружились, вырезая в воздухе спирали из света.

— Вы разорвёте ткань бытия, — голос прозвучал за спиной, будто доносясь сквозь толщу воды. Элиас не обернулся. В колбе с ртутью мерцал силуэт женщины в доспехах, чьи глаза отражали трещины реальности.

— Бытие уже порвано, — провёл он пальцем по стеклу, оставляя след в пыли. — Я лишь хочу сшить его заново.

Лира шагнула из тени. Её броня, покрытая рунами молчания, звенела, как разбитый хрусталь.

— Вы называете это *шитьём*? Ваши швы — петли, которые душат само время.

Он наконец посмотрел на неё. В трещинах её зрачков пульсировали забытые эпохи.

— Когда Айрин умерла, дождь шёл ровно три часа и сорок семь минут. Я считал секунды, пока её дыхание не стало тише шелеста страниц в пустой библиотеке.

Она сжала рукоять меча, лезвие которого искрилось парадоксами.

— Вы ищете не её. Вы ищете того себя, который не сломался.

В храме Аиона воздух дрожал, словно заряженный статикой времени. Колонны из чёрного мрамора распадались на камни и цифры, а песок из хронометра взлетал вверх, собираясь в рой золотых пчёл. Лира прижала ладонь к груди, чувствуя, как руны на броне оживают:

— Каждый парадокс — рана. Мир истекает смыслом.

Элиас улыбнулся, как учёный, нашедший изъян в теории вечности:

— А вы не пробовали *чувствовать* вместо того, чтобы чинить? Страдание, радость, даже ваша холодная ярость — краски, которых нет в вашем идеальном будущем.

Она замахнулась мечом, но лезвие замерло в сантиметре от его горла. Вдруг Лира поняла: он **хочет**, чтобы она ударила. Стать мучеником своей безумной религии.

— Нет, — прошептала она, опуская оружие. — Вы не заслуживаете забвения.

Он нажал на хронометр. Механизм взревел, как зверь, сорвавшийся с цепи.

— Математика, Лира, — сказал он, растворяясь в свете, — это единственная любовь, которая не предаёт.

В её эпохе, где города висели в небе на нитях антигравитации, Лира нашла обсерваторию XVII века. На столе лежал дневник с последней записью:

«Если ты читаешь это, значит, я нашёл уравнение, где Айрин жива, а моя вина — всего

лишь переменная, которую можно обнулить. Но почему тогда я пишу эти строки? Возможно, потому, что даже в идеальной реальности должен остаться кто-то, кто помнит дождь...»

Рядом стоял чёрный хронометр. Стрелки замерли на 3:47.

Создано платформой iikniga.ru